

УДК 821.161.1.09

*Е.Г. Серебрякова***СПОСОБЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ САМОИНДЕНТИФИКАЦИИ  
СОВЕТСКИХ НОНКОНФОРМИСТОВ 1960-70-х ГОДОВ**

Сам- и тамиздат как феномен литературной жизни по сей день лишь частично осмыслены научным сообществом, исследования феномена как целостного явления до сих пор не представлено. Методологическую значимость для достижения данной цели имеют понятия «поведенческих практик», «авторских стратегий», «репрезентаций» и «дискурса». Автор статьи осмысливает литературно-публицистическую деятельность художников и публицистов самиздата как вариант социального поведения, выявляет писательские стратегии, исследует специфику диссидентского дискурса. В статье сделан вывод об использовании в поэтике самиздата типичных для советской ментальности приёмов освоения действительности и литературно-публицистического высказывания, что характеризует типологию сознания диссидентов.

*Ключевые слова:* неконформисты, авторские стратегии, поведенческие практики, дискурс, репрезентация.

Литературно-публицистическое наследие советских диссидентов 1960–70-х гг. весьма велико, по самым приблизительным подсчётам оно исчисляется тысячами текстов. Опубликованные в своё время сам- и тамиздатом, они хранятся сегодня в России, Европе и Америке. Рассредоточенность архивов затрудняет анализ письменного наследия как целостного явления. Кроме того, фонды самиздата в различных архивах по сей день пополняются за счёт частных коллекций. Соответственно, оценить явление во всём объёме всё ещё не представляется возможным. Это особенно значимо при попытках определить соотношение частей, подсчитать количество текстов с учётом жанровой принадлежности. Неизвестно, сколько мемуаров, автобиографий, дневников, судебных хроник и прочее оставили нам неконформисты. Следовательно, в системе жанров не удастся выделить доминирующие и периферийные. Наше представление об этом может быть составлено лишь на основе общих тенденций культурного и художественного движения тех лет.

Однако опубликованные материалы самиздата позволяют обнаружить типологическую схожесть текстов, не зависящую от количества, определяемую общностью авторских стратегий и самобытностью дискурса. Их анализ позволит осмыслить способы литературной самоидентификации поколения неконформистов, приблизиться к оценке литературного наследия как целостного явления. В качестве материала данного исследования выступают как художественные, так и публицистические тексты, принадлежащие разным поколениям советских неконформистов – «старшим шестидесятникам» (Лидия Чуковская, Валерий Тарсис) и более молодым, составившим основу правозащитного движения (Владимир Буковский, Юрий Орлов). Сопоставление текстов даёт возможность выявить трансформацию основных мотивов художественного и публицистического творчества, обнаружить динамику мировоззренческих принципов, определившую литературное поведение и писательские стратегии.

Обращение неконформистов к литературной деятельности как одному из способов гражданской активности вполне закономерно с учётом литературицентричного основания русской культуры. Статус писателя в обществе был высок, печатное слово самоценно. Апелляция к общественному сознанию через печать, хоть и неофициальную, но свободную от цензурного гнёта, являлась вполне обоснованной.

Соотношение официальной и неофициальной частей советской литературы в 1960-е и 1970-е годы было различным. В начале «оттепели» они не были жёстко разделены. Напротив, граница между ними была зыбкой и проницаемой: одни и те же авторы (А. Солженицын, А. Синявский и другие) могли иметь более или менее благополучную издательскую судьбу и в то же время публиковаться (по доброй воле или в силу «непроходимости» текстов) в самиздате. Базовые ценности, заложенные в основание литературно-публицистических моделей мира, в этот период также совпадали. И официально признанные, и неиздаваемые литераторы стояли на позициях антропоцентризма, утверждали гуманистическую идеологию. Водораздел между двумя культурами, официальной и самиздатской, проходил в сфере поведенческой тактики: каждый из литераторов сам определял границы допустимого, выбирал, отдавать ли рукописи в самиздат или дожидаться разрешения цензуры на публикацию. Неудивительно поэтому, что легальные литераторы и неконформисты разрабатывали одну систему жанров и ориентировались на одну эстетическую систему.

В 1960-е годы в литературоведении напряжённо обсуждалась проблема художественного метода. Ведущие специалисты, принявшие участие в дискуссии о соцреализме (Г. Пospelов, А. Соколов, А. Гуревич, Л. Тимофеев и многие другие), были убеждены в его жизнеспособности и актуальности. Неофициальную позицию представил в самиздате Андрей Синявский. Логика работы «Что такое социалистический реализм» (1957 г.) подчинена идеологической задаче – развенчанию «телеологической сущности» соцреализма как жёстко регламентированного, консервативного метода. Ирония автора в адрес «нового классицизма» (такое определение методу советского искусства было найдено в статье) была продиктована убеждённой необходимостью обновления способа освоения действительности и художественного высказывания. Подвергнув соцреализм развенчанию в теории, Синявский попытался реализовать собственную эстетическую инородность в художественной практике. Стремление отойти от традиционного способа высказывания писатель продемонстрировал в повестях «Суд идёт», «Любимов», «Пхенц». Однако намеченный Синявским вектор литературного движения не приобрёл массовой поддержки, большинство литераторов-нонконформистов оставалось в рамках традиционного для советского искусства метода.

Валерий Тарсис в повести «Палата номер 7» (1966 г.) воспроизвёл весь комплекс шаблонов и клише, легко узнаваемый советским читателем.

В центре внимания автобиографической повести, созданной по горячим следам пребывания Тарсиса в психиатрической больнице, образ, максимально приближенный к автору – писатель-фронтовик Валентин Алмазов. Чеховская аллюзия даёт центральную метафору: тоталитарное государство безумно, оно подобно сумасшедшему дому. Гражданин, сохранивший в себе личность, осмелившийся на независимую позицию и свободомыслие, обречён на столкновение с режимом. Однако нонконформистский дискурс, заявленный основным конфликтом, осмыслен в логике советской литературы с её героико-романтической традицией.

Крушение старого мира советская литература 1920–1930-х годов воспевала в укрупнённых, обобщённо-символических образах. Таков главный герой повести. Целеустремлённый, идейный, умеющий стойко преодолевать трудности, он нацелен на революционное преобразование действительности, преисполнен жаждой творчества. Масштаб конфликта видится автору и его герою поистине глобальным: сущность исторического момента в рождении нового гармоничного миропорядка. При этом речь героя-антикоммуниста повторяет монологи пламенных революционеров. Она сконструирована из стереотипов (борьба ведётся во имя человека, победа свободолюбивых сил предreshена, будущее России светло и прекрасно) и явно воссоздаёт образцы ораторского искусства многочисленных народных освободителей, канонизированных не только русской классической, но и советской литературой.

Осмысление объективного хода жизненного процесса в романе соцреализма предполагает изображение классовых противоречий. В повести в роли классовых врагов выступают «коммунистические поработители» и закабалённый народ, врачи психбольницы и «так называемые больные» – «действительно здоровые, смелые, негибкие, неугодные и непригодные для рабского существования» [8. С. 629] личности. Автор стоит на позициях «правдивого, исторически конкретного отражения действительности в её революционном развитии» [1. С. 23], как того требовал канон соцреализма. Силы исторического прогресса, как убеждён писатель, на стороне Алмазова и его соратников, через образы которых раскрывается в полной мере исторический оптимизм автора. Плакатная революционность, присущая эстетике 1920–1930-х гг., вероятно, виделась автору адекватной для воплощения образа нового героя эпохи. Напомним, что Тарсис начинал свою литературную деятельность в 1930-е гг., когда опубликовал несколько произведений и занимал должность редактора издательства «Художественная литература». Профессиональная деятельность на посту редактора сказалась в глубокой погружённости автора в поэтику прозы современников.

Скрытое или явное использование повествовательных моделей романа соцреализма с его героико-романтическим пафосом можно обнаружить во многих художественных образцах нонконформистской литературы. Лакшин, Твардовский, как известно, указывали на дебютный рассказ Солженицына «Один день Ивана Денисовича» как на образцовый в этом отношении. Сам литератор в «Телёнке», повествуя о первых художественных опытах, не скрывал ориентации на образцы советской литературы [6, 17]. Совпадение способов осмысления и артикуляции событий своей жизни Солженицыным и Тарсисом – свидетельство не подражания одного другому (Тарсис написал повесть в 1966 году, Солженицын издал воспоминания в 1975-м), а синхронное обращение к техникам письма, казавшимся наиболее адекватными для решения схожих авторских задач.

Влияние поэтики соцреализма на художественное творчество Лидии Чуковской выявила С. Форрестер [11]. Исследовательница отмечала жанровую переключку романа Горького «Мать» и повести «Софья Петровна»: обе книги представляют собой роман-воспитание, имеется сходство на сюжетном уровне, совпадение мотивов (в частности, мотива «пути героини к осознанию происходящего») и отдельных эпизодов. При этом писательница представила травестию сюжета о становлении личности в ходе социального преобразования. Путь героини – не взросление души в процессе общения к Истории, а духовно-нравственная и интеллектуальная гибель под её гнётом. Таким образом, в 1930-е годы, задолго до развернувшейся дискуссии о методе, писательница-нонконформистка предложила свою, неканоничную версию романа-воспитания, одного из доминирующих в системе жанров соцреализма.

На примере названных произведений можно обнаружить специфику нонконформистской позиции и дискурса. Она, как видим, заключается в корректировке существующих идеологем при сохранении типологических свойств картины мира и универсальных эстетических приёмов соцреализма. И это закономерно. Авторы стремятся вычлениить гуманистические константы бытия, коренящиеся в незыблемых основаниях культуры: ценности личности, права человека на независимость суждений и свободу творчества, чувстве сопричастности персональной судьбы общенародной и других общечеловеческих ценностях. Гармоничный мир, имеющий «незыблемые константы и смысл» – достояние классической картины мира, не только европейской и русской, но и советской в её идеале. Позиция подлинного гуманизма согласно соцреализму требует от художника активного отношения к действительности, при которой читатель осознаёт эстетический идеал художника, и ответственности автора за идейное воздействие своих произведений [3. С. 130]. Эти мировоззренческие и эстетические принципы безусловны для поколения «старших шестидесятников». Владение официальными техниками письма и способами объяснения мира свидетельствует о ментальной принадлежности авторов самиздата советской культуре при декларированном поиске нового дискурса и иных оснований идентификации личности и общества.

Сохраняя основные позиции в официальной картине мира и человека, нонконформисты по-новому расставляют акценты.

Дискуссии в критике «оттепели» о необходимости преодоления приукрашивания, лакировки действительности, тенденций к иллюстративности и бесконфликтности литературы углубили эстетическое осмысление и художественное решение проблемы «личность – государство». В книгах Ф. Абрамова, В. Распутина, Б. Можая и многих других она приобрела драматичное звучание. Однако в текстах нонконформистов конфликт заострён: государство, объявившее себя общенародным, беспощадно уничтожает инакомыслящих – лучшую часть граждан.

Специфика дискурса определяет постоянный набор коннотаций для характеристики каждой из сторон. Личность – вольнолюбивая, духовно свободная, бескомпромиссная, готовая к открытой борьбе за гражданские права, осознающая всю неизбежность политических преследований, готовая к самопожертвованию. Государство – тоталитарное, антигуманное, истребляющее лучших граждан с помощью всех существующих институтов: властных структур, исполнительных органов, в первую очередь КГБ, «карательной медицины» (название книги Подрабинека. – Е.С.), творческих союзов (Солженицын «Бодался телёнок с дубом», Чуковская «Процесс исключения»).

Оппозиционная пара «интеллигенция – народ» имеет неоднозначное толкование. С одной стороны, нонконформисты исходят из непреложного убеждения в ответственности просвещённой личности перед народом, с которым она связана родовыми связями и единой судьбой. Миссия интеллигенции заключается в освобождении сознания современников от рабской покорности и страха, пробуждении гражданского самосознания. С другой стороны, интеллигенция неоднородна. В ней действуют как консерваторы, так и прогрессивные деятели. Между этими лагерями существуют непреодолимые идейные противоречия, исход борьбы определит будущее страны, а значит, свободолюбивые силы должны сплотиться для активного противодействия сталинизму. На этих позициях стоят «старшие шестидесятники». Чуковская в статье «Гнев народа» (1973 г.) изображает градацию внутри творческих союзов. Худшие – «профессиональные предатели», лучшие – соглашатели: «Они не домысливают: нельзя без конца вырезать фестоны из собственного сердца – оно перестаёт плодоносить. Не знаю, как в математике или в музыке, но в литературе – в слове – нельзя. Пишите ваши повести, ваши стихи и рассказы, печатайтесь! Вас больше нет» [12. С. 164]. Как видим, литератор адресует конформистам приговор в творческой смерти. Показательна и категоричность, с которой автор причисляет всех действующих

членов творческих союзов к предателям и соглашателям. Напомним, что к 1973 г. исключения из ССП за инакомыслие стало обычной практикой. Сама Чуковская в том году пополнила список изгнанных (о чём поведала в очерке «Процесс исключения»), и противопоставление «лакейской» литературы и «свободной», где официально признанные писатели – чиновники, но не творцы, а авторы самиздата – истинные художники, стало общим местом в литературно-публицистических высказываниях диссидентов. Сегодня это утверждение кажется столь же категоричным, сколько и неточным. Однако в тот момент атака в полемике виделась Чуковской единственно действенным типом речевого поведения.

Трактовка образа народа нонконформистами сложна и неоднозначна. Семантика понятия включает два значения – народ как нация и как социальная общность. У Тарсиса один из героев рассуждает: «Тысячи и тысячи людей по-прежнему томятся в сумасшедших домах, лагерях и тюрьмах. Но зато окрепла и решимость народа сбросить это страшное ярмо» [8. С. 627]. В данном случае поработанный народ, напряжённо ждущий своего освобождения, – социальная общность, «масса» советских людей. В глубинах национального сознания, согласно автору, кроется «святая Русь» с её исконной религиозностью, правдивостью, состраданием к слабым и обиженным. Ту же трактовку встречаем в публицистике Горбаневской, рассказывая в автобиографическом очерке «Бесплатная медицинская помощь» (1968 г.) о своих злоключениях в психбольнице, пойдёт по стопам Тарсиса в обрисовке младшего медперсонала. Но глубинная нравственность, по мнению Тарсиса и Горбаневской, живёт в народе подспудно. Большая часть народонаселения советской страны давно превращена в массу безропотных рабов, бездумно повторяющих идеологические заклинания газетных передовиц. Те же коннотации находим в статье Чуковской «Гнев народа»: масса советских людей одурманена пропагандистской ложью в адрес лучших сынов отечества – Пастернака, Сахарова, Солженицына. «Простой человек» «не прост и уж вовсе не глуп, – убеждена публицистка, – но он несведущ. Он введён в заблуждение. Неведение его роковое. И для него, и для нас» [12. С. 164-165]. Отталкиваясь от просвещенческой парадигмы Нового времени, трансформированной русской культурой, в частности демократической мыслью, нонконформисты развивают дихотомию: народ как нация потенциально талантлив, умен, наделён природной нравственностью. Однако одарённость сочетается в нём с отсутствием навыков самостоятельного мышления, потому он легко управляем властью. «Массу» необходимо воспитывать, тогда она станет «народом» во всей полноте этого понятия. Ответственность за судьбу страны предполагает умение высвободить разум «простого человека» из-под гнёта казённых догм, воспитать в нём гражданина, способного к критическим оценкам и действенному сопротивлению режиму. Пока же систематическая газетная клевета на инакомыслящих провоцирует в рядовом труженике низменные чувства. Следовательно, гласность, свобода слова – ценности, за которые необходимо бороться интеллигенции для духовного развития народа. Это нелёгкое дело – раскрепощение современника, высвобождение его скрытых внутренних сил – и есть главная обязанность просвещённых, свобододолюбивых людей. Таким образом, «народ» в умопостроениях нонконформистов и диссидентов всегда – объект воздействия просвещённого разума. Эта позиция «сверху вниз» предполагает тот же тип директивных отношений, на котором базировалась официальная идеология.

Базовые принципы картины мира, найденные «старшими шестидесятниками» (антропоцентризм, гуманизм, неприятие сталинизма, провозглашение свободы слова и инакомыслия как неотчуждаемых прав личности), сохранялись молодым поколением. Однако в 1970-е годы в условиях ожесточившейся конфронтации сторон и дальнейшей профессионализации диссидентства в «единый смысловой строй» (выражение Л. Гинзбург) включались новые коннотации. В частности, усиливалась бинарность мировосприятия, типичная для всех авторов самиздатских текстов. Как известно, Юрий Лотман и Борис Успенский называли бинарность типологическим свойством русской культуры в целом [4]. Сегодня социальные психологи (Галина Андреева, Анатолий Анцупов, Анатолий Шипилов, Сергей Ениколопов и другие) дают своё объяснение механизмам формирования бинарного мировосприятия: оно закономерно возникает в сознании людей, вовлечённых в конфликт. По мере нагнетания противоборства стороны всё категоричнее оценивают происходящее в «чёрно-белом» свете, однозначность взаимных оценок свидетельствует о непримиримости позиций. Суждения конфликтологов объясняют причину демонстративной бинарности мировосприятия диссидентов.

Диссиденты максимально заострили бинарность мировосприятия, не убоившись утратить объективность и впасть в одномерность оценок людей и событий. Мотивы «старших шестидесятников»: преобразование социума, творческое созидание, неизбежно встречающее на своём пути противодействие консерваторов, но преодолимое волевым усилием граждан – вытеснены идеей обречённости

режима и неизбежности борьбы с ним. Юрий Орлов в воспоминаниях признавался: «... диссиденты были все едины в борьбе с режимом...» [10. С. 170].

Трансформация «улучшения социализма» в «ниспровержение строя» имеет свои антропологические последствия. Государство, страна, общество, народ – всё наполняется негативным звучанием и постепенно заменяется самоценным и замкнутым на себе процессом разрушения. Борьба теряет социальный контекст, её участник может опереться только на «ближний круг» – единомышленников и соратников. Противостояние режиму становится средством самоутверждения индивида. Доказывать себе и обществу право именоваться диссидентом приходится, став профессионалом, что влечёт за собой неизбежную психологическую и нравственно-этическую деформацию. В книге В. Буковского «И возвращается ветер...» границы понятия «свои» расширены в соответствии с принципом утилитаризма: к ним причисляется всякий, кто досаждают власти, например уголовные преступники. Так профессиональный диссидент переосмысливает традиционное для «старших шестидесятников» размежевание уголовников и политзаключённых. Варлам Шаламов в «Очерках преступного мира» (1961 г.) декларировал недопустимость сближения с «блатарями». Самое страшное в них, по мнению литератора, это беспредельная наглость, отсутствие всякой морали, полное равнодушие к чужой жизни, лёгкость на расправу. Писатель считал связь с уголовниками, чем бы она ни была спровоцирована, одним из кратчайших путей к нравственному растлению. Уподобиться «блатарям» в поведении, пусть даже вынужденно, – значит позволить власти одержать верх. Она старалась уничтожить личность и смогла это сделать. Категоричность нравственных императивов Шаламова подтверждена его многолетним лагерным опытом, трагическим пониманием «чрезвычайной хрупкости человеческой культуры, цивилизации». Это позиция стойка, убеждённого в необходимости мужественно сносить страдания, предопределённые личностным выбором, совершаемым осознанно и свободно.

Стоицизм, свойственный значительной части политзаключённых 1930–1950-х годов, входил в поведенческий канон молодого поколения правозащитников. Буковский отдаёт ему дань, однако логика социальной практики, всё же видоизменившаяся со времён Сталина, приводит рассказчика к поиску более эффективных поведенческих моделей и философских оснований. Вот один из показательных эпизодов:

«– Ну, что, землячок, иди, сыграем? Свитерок у тебя хороший...»

Помотавшись по этапам да по пересылкам, я уже знал немного уголовный мир, его порядки и обычаи. Играть с ними бессмысленно <...>. Но и отказаться теперь значило бы проявить слабость. Не те будут отношения, а мне с ними жить почти три года.

– Давай, – говорю я, – только в преферанс. <...> Тут уж он смутился. Преферанс – игра не воровская. Сразу видно, что он никогда в неё не играл. Но и отказаться ему позорно – какой же он вор, если играть отказывается?

<...> Сели неохотно – куда им деваться? Естественно, через часок ободрал я их как липку. <...>

– Ну, вот, – говорю я. – Вещи свои заберите, они мне не нужны. А теперь давайте я вас по настоящему научу, как играть.

И так увлеклись – всю ночь просидели. Лучшие друзья стали. [2. С. 284-285]. Реплика уголовника «свитерок у тебя хороший» прямо отсылает к рассказу Шаламов «На представку», в котором именно свитер, приглянувшийся одному из игравших в карты бандитов, стал причиной убийства заключённого, не пожелавшего отдать ему свою вещь, поставленную на кон. Буковский, как видим, переписывает шаламовский сюжет в соответствии с новой философией взаимоотношений когда-то враждебных друг другу страт: «политический» умнее, хитрее, образование даёт ему навыки изобретательности, значит, он может победить в этом маленьком состязании. Для этого надо перейти на язык «блатных» – сыграть в карты, но навязать свою игру. Победа фиксируется символическими жестами: проигранные вещи он себе не забирает, а обучает главаря навыкам игры в преферанс. Совместное существование требует обозначить своё место в социальной иерархии «зоны» с помощью понятных уголовникам приёмов. Итогом для «политического» становится позиция доминирования.

Рассказчик убеждён в нравственном превосходстве политзаключённых: в дальнейшем он неоднократно позиционирует себя как просветителя, наставника (обучил кого-то английскому языку, других приохотил читать книжки, всех призывал получать образование) и заступника (помогал писать жалобы в различные инстанции). Страх потерять нравственный иммунитет, о чём предупреждал Шаламов, отсутствует. Вероятно, Буковский осознавал этическую двусмысленность подобной позиции и проговорил её причины, обращаясь к предполагаемым «партийным пропагандистам» – моральным

резонёрам: «Я спал с ними на одних нарах, под одним бушлатом, делил кусок хлеба, вместе подышал по карцерам. И я полз по запретке на брюхе, рвал колючую проволоку, обдирая руки, ждал каждое мгновение пулю в спину, только чтобы передать им пачку махорки. Так же, как и они мне. И я не жалею об этом. А что вы знаете о своём народе? Какое к нему имеете отношение? Какое имеете право говорить от его лица?» [2. С. 318]. Примечательно определение бандитов как «своего народа» и возвышенно-героический пафос монолога о братских узах «политиков» и уголовников. Он перемежается гневными риторическими вопросами. Агрессия, вероятно, должна была окончательно сокрушить противников позиции морального релятивизма. Суггестивность речи как средство убеждения неоднократно используется Буковским в автобиографии в качестве неопровержимого доказательства своей правоты. Очевидно, что приёмы ведения идеологического спора заимствованы диссидентом из официального дискурса.

В 1964 г. Шаламов, отвергая предложение соавторства «Архипелага ГУЛаг», объяснял свою позицию: «Я хочу иметь гарантию, для кого пишу» [7. С. 166] Солженицын, как позже предполагал писатель, уже тогда знал, что пишет для западной аудитории. Разная читательская ориентация литераторов старшего поколения «шестидесятников» свидетельствует, что вопрос этот изначально решался неоднозначно. Пробуждать сознание современников, добиваться гуманизации общественной жизни от представителей власти внутри страны или искать адресата на Западе – вопрос принципиальный для определения авторской стратегий. Спустя пять лет А. Марченко в книге «Мои показания» (1969 г.) заявлял: «Я хотел бы, чтобы это моё свидетельство <...> стало известно гуманистам и прогрессивным людям других стран» [5. С. 7]. Адресат расширен, но не локализован странами Запада. В 1975 году Юрий Орлов, стараясь облегчить участь заключённого в психбольницу Леонида Плюща, подведёт итог сомнениям друзей в направлении поиска реальных помощников: «Единственным способом бороться <...> было – посылать информацию за рубеж» [10. С. 173]. Поиск «своего» адресата завершён, референтная группа сформирована.

Адресат определяет характер высказывания. Оно должно быть ясным и простым, чтобы авторский вариант усваивался читателями, не знакомыми с реалиями советской жизни. Логика «холодной войны» требовала учитывать специфику восприятия текстов. Так в книги и статьи проникает тема угрозы, исходящей от СССР: «В этом эссе («Возможен ли социализм не тоталитарного толка?» – Е.С.), – писал Орлов, – я предупреждал западных левых о потенциальной опасности централизованной плановой экономики» [10. С. 175]. В другом обращении того же, 1975 года, Орлов, Турчин и Ходорович писали: «Мы хотим предупредить общественность стран Запада, что репрессии против гуманитарных движений, планомерно осуществляемые советскими властями в последнее время, <...> являются шагами в сторону скрытой конфронтации с Западом <...>. Мы призываем вас попытаться понять, <...> что жёстокая борьба за установление абсолютного идеологического единства в СССР имеет прямое отношение к вашему будущему» [9. С. 5]. Привлечение мировой общественности давало тактические результаты: участь многих диссидентов была облегчена. Власть была вынуждена считаться с резонансом международных скандалов, при этом диссидентское слово в пространстве советской культуры по-прежнему оставалось в статусе маргинального.

Подведём итоги. Диссидентский дискурс характеризуется типовыми приёмами риторики, тиражируемыми как художественной литературой, так и публицистикой. Анализ поэтики текстов не позволяет выносить их за границы советской культуры. Авторы самиздата воспроизводят технические приёмы и формы официального письма. Их позиция «над» читателем, стремление воспитывать современника и направлять его сознание свидетельствует о дидактической позиции, традиционной для советской критики и художественной литературы. Трансформация мотивов «старших шестидесятников» диссидентами не меняла сущности: дискурс неизменно воспроизводил советские образцы художественного и публицистического высказывания. Идеологический характер дискурса, транслируемая ценностная иерархия, способ осмысления и артикуляции свидетельствуют о глубоко советском сознании диссидентов, несмотря на декларируемое ими неприятие системы.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Л. Советский исторический роман и вопросы историзма. Киев: Киевский ун-т, 1971. 156 с.
2. Буковский В. И возвращается ветер... СПб.: Захаров, 2007. 339 с.
3. Ермолаева В., Толстых В. Социалистический реализм и штампы буржуазной эстетики. Полемика. М.: Советский художник, 1967. 150 с.

4. Лотман Ю., Успенский Б. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по рус. и слав. филологии. Тарту, 1977. Т. 28. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 414).
5. Марченко А. Мои показания. М.: О.Г.И., 2005. 304 с.
6. Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж: YMCA-PRESS, 1975. 629 с.
7. Солженицын А. С Варламом Шаламовым // Новый мир. 1999. № 4. С. 163-170.
8. Тарсис В. Палата № 7 // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е–1980-е: в 3 т. / под общ. ред. В.В. Игрунова; сост. М.Ш. Барбакадзе. М.: Междунар. ин-т гуманитар.-полит. исследований, 2005. Т. 2: до 1966–1973 года. 2005. 759 с. С. 626-640.
9. Обращение московских учёных // Хроника защиты прав в СССР / ред. В. Чалидзе. Нью-Йорк: Хроника, 1975. Вып. 15 (май-июнь). С. 5.
10. Орлов Ю. Опасные мысли. Мемуары из русской жизни. М.: Захаров, 368 с.
11. Форрестер С. «Мать» Горького как источник повести Чуковской «Софья Петровна» // Вопросы литературы. 2009, № 5. С. 241-262.
12. Чуковская Л. Гнев народа // Чуковская Л. Сочинения: в 2 т. М.: Гудьял-Пресс, 2000. Т. 2: Процесс исключения; Отрывки из дневника; Открытые письма; Varia. С. 160-168.

Поступила в редакцию 18.10.17

***E.G. Serebryakova***

**THE WAYS OF LITERARY SELF-IDENTIFICATION OF SOVIET NONCONFORMISTS IN 1960-1970s**

Samizdat and tamizdat as phenomena of literary life are relatively understudied in academia, the research of it as an integral phenomenon has not yet been presented. Such concepts as "behavioral practices", "authors' strategies", "representations" and "discourse" have the methodological significance for achieving this goal. The author of the article comprehends the literary and journalistic activity of samizdat's authors as a variant of social behavior, reveals the writer's strategies, and explores the specifics of dissident discourse. In the article the conclusion is drawn that samizdat's authors used the typical methods of the Soviet mentality of reflexing reality and literary and journalistic statements, which characterizes the typology of the consciousness of dissidents.

*Keywords:* non-conformists, strategy of authors, behavioral practices, discourse, representation.

Серебрякова Елена Геннадьевна,  
кандидат филологических наук, доцент  
кафедры культурологии

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»  
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1  
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Serebryakova E.G.,  
Candidate of Philology, Associate Professor  
at Department of cultural studies  
Voronezh State University  
Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394006  
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru